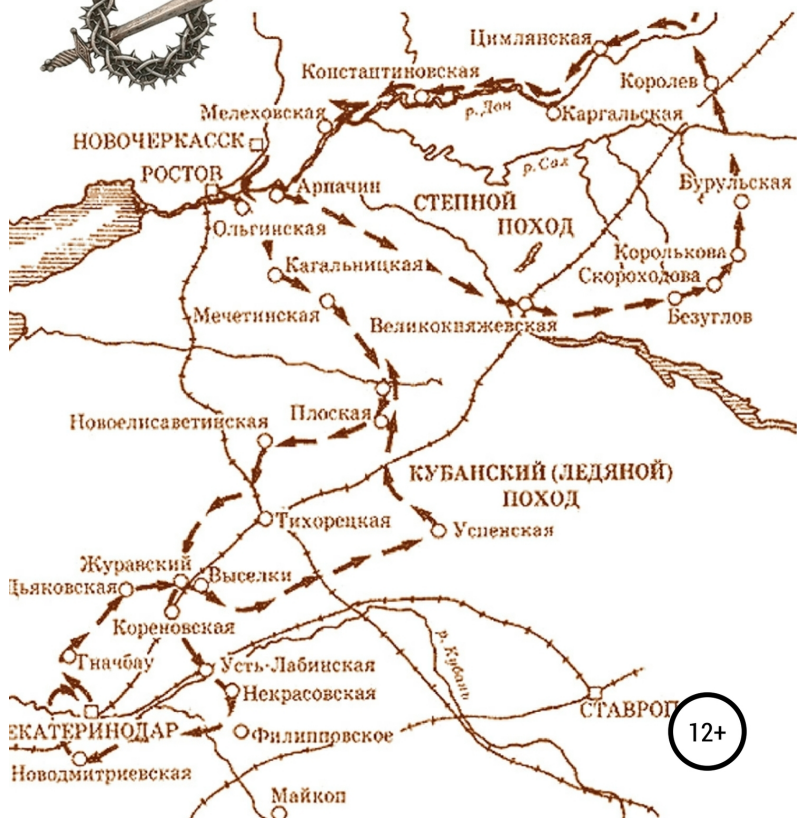

Игорь РОДИНКОВ

Деникин.

Конец Ледяного похода

Игорь Аркадьевич Родинков Деникин. Конец Ледяного похода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43268248

SelfPub; 2019

Аннотация

После гибели генерала Корнилова под Екатеринодаром командование над Добровольческой армией принял генерал Деникин. Ему удалось сохранить армию и вывести ее на Дон, где первопроходцев ждали радостные вести (восстание донского казачества и приход подкрепления в лице отряда полковника Дроздовского). Эта книга является продолжением написанной мною ранее военно-исторической повести «Последняя битва Корнилова» и описывает окончание Первого Кубанского (Ледяного) похода. Обложка оформлена автором.

Содержание

Вступление Деникина в командование армией.	4
Прорыв кольца	
Поход на восток. Пробуждение Дона и Кубани	14
Возвращение армии на Дон. Итоги Первого Кубанского похода	30
Путь генерала Деникина. Закладка фундамента	45

Вступление Деникина в командование армией. Прорыв кольца

Роковой снаряд, посланный рукой красного артиллериста, сразил генерала Корнилова. Деникин, принявший командование, снял осаду, и армия пустилась в бегство, бросая по дороге пушки, обозы и раненых соратников.

Солнце в это первое апрельское утро блистало весенними лучами. Осажденные выбрались из Екатеринодара, чтобы посмотреть брошенный добровольцами лагерь. Поле пятидневной битвы являло печальную картину... Всюду валялись расстрелянные гильзы, пустые консервные банки, патронташи, осколки стали, грязные портянки, окровавленные тряпки и трупы, трупы, трупы... По реке густо шла дохлая рыба. Покачиваясь и крутясь, плыли вздувшиеся лошадиные туши. Далеко несло тухлятиной.

В станице Елизаветинской по хатам нашли 64 тяжелораненых белогвардейца, при них врача и двух медсестер. Сорокин распорядился пока их не убивать, а перевести в лазареты Екатеринодара, чтобы потом втихаря расправиться с ними.

Но живые думали о живом. Сорокин приказал:

– Пехота, на подводы!.. Конница, вперед!..

И 10-тысячная армада бросилась вдогонку за отступаю-

щей на север Добровольческой армией. Настроение у победителей было бодрым. Хулиганская песня веселила душу.

Паровоз шумит,
Четыре вагона.
Ахвицеры за Кубанью
Рвут погоны...

Музыка рвала сердца.

Сорока наступает,
Усмехается.
Кадеты тикают,
Спотыкаются...

Красные партизаны и матросы, наступая врагам на пятки, снова погнались за ними по степям. В гривы конские были вплетены первые цветы, а на хвосты навязаны почерневшие от запекшейся крови золотые и серебряные погоны.

Продлав за сутки 50-километровый марш-бросок, вечером 1 апреля Добровольческая армия вошла в немецкую колонию Гначбау. Вступление Деникина в командование армией многие не приняли. Думали, что армию возглавит стар-

ший по званию Алексеев, или, на крайний случай, Марков. За Антоном Ивановичем, в отличие от жесткого Корнилова, закрепился авторитет либерала. Он был непонятен многим офицерам, ожесточившимся в войне и принимающим лишь карательный характер борьбы. Тем более Деникин был непонятен казакам.

Масло в огонь подлило известие, что в станице Елизаветинской оставили тяжелораненых. По армии пошли разговоры:

– Триста раненых бросили большевикам на расправу. Нет, при Корнилове такого никогда бы не было, ведь это на верное истязание...

Деникин сам узнал об этом только в Гначбау. Да, тяжелое наследство досталось генерал-лейтенанту. В строю осталось 3 тыс. бойцов из 6 тысяч, что было в соединенном кубано-добровольческом войске перед штурмом Екатеринодара. В обозе было 1,5 тысяч раненных и больных. Все были крайне утомлены и подавлены.

Но нужно было жить и продолжать борьбу. Тайно похоронив Корнилова и Неженцева, армия вечером 2 апреля 1918 года¹ покинула колонию Гначбау и двинулась на восток, чтобы вырваться из густой сети железных дорог и сосредоточиться где-то на сближении трех краев: Дона, Кубани и Ставрополя – и уже оттуда начать новый поход.

¹ Все даты даются по старому стилю.

Во исполнение этого плана армии предстояло прорваться через линию Черноморской железной дороги и пробиться к станции Медведовской. Но противник уже подошел к колонии Гначбау с большими силами.

Деникин приказал частям 2-й бригады – остаткам Партизанского и Корниловского полков, а так же пластунскому батальону – выдвинуться за окраину колонии. Пятьсот бойцов залегли в окопах и приостановили наступление противника. Но артиллерийский обстрел колонии продолжался с исключительной силой. 1-я бригада (Офицерский и 1-й Кубанский полк), наиболее боеспособная часть армии, пошла в авангарде. Конница растворилась где-то на флангах.

Но не успели части выйти из колонии, как среди беженцев, в обозе и даже в некоторых полках началась паника. Это был наиболее напряженный день Первого Кубанского похода.

Генерал Деникин вспоминал в своих мемуарах: «Этот день останется в памяти первопоходников навсегда. В первый раз за три войны мне пришлось увидеть панику. Когда люди, прижатые к реке и потерявшие надежду на спасение, теряли всякий критерий реальной обстановки и находились во власти самых нелепых, самых фантастических слухов. Когда обнажались худшие инстинкты, эгоизм, недо-

верие и подозрительность – друг к другу, к начальству, одной части к другой. Главным образом в многолюдном населении обоза. В войсковых частях было лучше, но и там содалось очень нервное настроение. Вероятно, среди малодушного элемента шли разные разговоры, потому что в продолжение пяти, шести часов в штаб приходили вести одна другой тревожнее. Получаю, например, донесение, что один из полков конницы решил отделиться от армии и прорываться отдельно... Что организуется много конных партий, предполагающих расплыться... Входит бледный ротмистр Шапрон, адъютант Алексеева, и трагическим шепотом докладывает, что в двух полках решили спастись ценою выдачи большевикам старших начальников и добровольческой казны... предусмотрено какое-то участие в этом деле Баткина..., что сводный офицерский эскадрон прибыл добровольно для охраны генерала Алексеева. От всякой охраны лично я отказался, но много позднее узнал, что тревожные слухи дошли до штаба 1-й бригады и полковник Тимановский² придвинул незаметно к штабу армии «на всякий случай» офицерскую часть.

Люди теряли самообладание, и надо было спасать их помимо их собственной воли. Мы с Иваном Павловичем³, который сохранял, как всегда, невозмутимое спокойствие, успокаивали волнующихся, спорили с сановными беженцами,

² Начальник штаба у Маркова.

³ Романовским – начальником штаба у Деникина.

добивавшимися права следовать чуть ли не с авангардом, и ждали с нетерпением наступления все примиряющих сумерек. Часовая стрелка в этот день, как всегда в таких случаях, передвигалась с необычайной медленностью...

Перед самым закатом приказал начать движение колонны на север, по Старо-Величковской дороге. Движение замечено было противником, и лощину, где проходит дорога, большевики начали обстреливать ураганным огнем. Но уже спускалась ночь, огонь стал беспорядочнее, голова колонны круто свернула вправо и пошла на северо-восток по дороге на Медведовскую.

Вырвались!»⁴

Выйдя поздно вечером 2 апреля из колонии Гначбау, колонна деникинских войск двинулась к станции Медведовской в полной тишине, не преследуемая противником. В авангарде шла бригада Маркова. Конница Эрдели была направлена севернее Медведовской для рассредоточения, отвлечения внимания противника и порчи пути; к югу с той же целью двинулся Черкесский полк.

Главным было вырваться из кольца железной дороги Екатеринодар–Тимошевская и уйти от преследования красных

⁴ А.И. Деникин. Очерки Русской Смуты». Том второй. Борьба генерала Корнилова, глава 27.

войск. И вот после 24-верстного перехода, в начале пятого часа утра, 3 апреля, замелькали вдали огни железнодорожной будки на переезде, в версте от станции Медведовской.

Марков послал вперед конных разведчиков, но не утерпел и сам поскакал туда. В темноте Марков и разведчики вошли в железнодорожную будку и арестовали дорожного сторожа. От его имени Марков успокоил дежуривших на станции большевиков, поджидавших подхода белых войск. Здесь, на станции, находилось два эшелона красногвардейцев и бронепоезд.

Тем временем подошла голова бригады, бойцы развернулись вдоль полотна в две цепи и тихо пошли на станцию. Задача была в предрассветной полутьме захватить большевиков врасплох. Но, увы, этого не удалось. В ночной тишине послышался вдруг один, затем другой ружейный выстрел. Это белый разъезд заметили часовые на станции. И тут же через несколько минут со стороны станции показалась движущаяся громада – бронированный поезд.

Медленно, с закрытыми огнями, он двигался в сторону железнодорожной будки, где уже находились командующий А. И. Деникин со штабом, генералы Алексеев и Марков. Бойцы, залегшие вдоль полотна, бесшумно отбегали в сторону. С бронепоезда их не видели, а также не знали, кто находится в железнодорожной будке. Иначе один точный выстрел – и в командном составе Добровольческой армии произошли бы серьезные перемены.

Критическое положение исправил остроумный Марков. Он с нагайкой в руке бросился к паровозу.

– Поезд, стой! – кричал он. – Раздавишь, сволочь! Разве не видишь, что свои?!

Ошалелый машинист дал по тормозам, и, пока он приходил в себя, Марков выхватил у кого-то из стрелков ручную гранату и бросил ее в машину. Мгновенно из всех вагонов открыли сильнейший ружейный и пулеметный огонь. Только с открытых оружейных площадок не успели сделать ни одного выстрела.

Миончинский продвинул к углу будки оружие и под градом пуль почти в упор навел его на поезд.

– Отходи в сторону от поезда, ложись! – раздался громкий голос Маркова.

Грянул выстрел, граната ударила в паровоз, и тот с треском повалился передней частью на полотно. Вслед за первой полетела вторая, третья граната, но уже по plombированным вагонам...

После этого со всех сторон бросились к поезду марковцы, а с ними их вездесущий генерал. Они стреляли в стенки вагонов, взбирались на крыши, рубили топорами отверстия и сквозь них бросали бомбы. Кто-то догадался принести из будки смоляной пакли, и скоро запылала два вагона. Однако большевики проявили большое мужество и не сдавались: из вагонов шла непрерывная стрельба. Отдельные фигуры выскакивали из вагонов на полотно и тут же попадали под

штыки. Из горящих вагонов, наполненных удушливым дымом, сквозь пробитый пол обгорелые люди пролезали вниз и ползли по полотну. Их настигали и прикалывали штыками.

Скоро все кончилось. Слышался еще только треск горящих патронов.

Армия приобрела прежнюю уверенность и всеми силами навалилась на станцию. Уже светало, когда бригада Боровского и Офицерский полк атаковали станцию с севера. Большевики обстреливали сильным огнем будку, переезд и дорогу в станицу. Под этим огнем полковник Тимановский, невозмутимый «Степаныч», как его называл Марков, с неизменной трубкой в зубах, подгонял залегших кубанских стрелков, ведя их на подкрепление к Боровскому.

С юга задымилась труба паровоза, и новый бронированный поезд открыл артиллерийский огонь по колонне, однако батарея отогнала его, и его орудия на пределе возможного продолжали вести по колонне бессмысленный уже огонь.

Вскоре Боровский взял станцию, перебив много большевиков; часть их успела погрузиться в поезд, который ушел на север. Конница, потрепанная несколько при переходе через железнодорожный мост встретившимся бронепоездом, перешла линию еще севернее.

И вот уже вереница повозок ныряет в станичные улицы. А на самом переезде идет лихорадочная работа: здесь тушат, расцепляют вагоны и выгружают из них драгоценные боевые припасы. В этот день было взято более 400 артиллерийских

и около 100 тысяч ружейных патронов. По добровольческим масштабам, этого должно хватить на несколько боев.

После привала в Медведовской армия без всякого давления со стороны противника двинулась дальше – в мирную, дружественную станицу Дядьковскую. Потери добровольцев были совершенно ничтожны.

Антон Иванович Деникин на вороном коне обогнал колонну, армия приветствовала его радостным дружным криком, как когда-то генерала Корнилова. Тяжелая рана, нанесенная смертью любимого вождя, заживет ещё не скоро, но наваждение, нашедшее на армию в колонии Гначбау, уже прошло. По широкой кубанской степи под ясным солнцем идет прежняя Добровольческая армия, сильная духом, способная опять бороться за Россию и побеждать.

Поход на восток. Пробуждение Дона и Кубани

Вырвавшись из окружения и преодолев полотно железной дороги у станицы Медведовской, Добровольческая армия, проделав еще 17-верстовый марш-бросок, к вечеру подошла к станице Дядьковской. Большая и дружелюбная станица встречала армию перезвоном колоколов. Завтра большой праздник – Лазарево воскресение⁵. Многие добровольцы, несмотря на усталость, поев, умывшись и немного отдохнув, поспешили в церковь, чтобы возблагодарить Бога за чудесное спасение. Поспешили в церковь и Деникин с Романовским.

– Не правда ли, Антон Иванович, – сказал Романовский, – что произошедшее с нами за последние четыре дня подобно воскресению четырехдневного Лазаря?

– Да, Иван Павлович, с гибелью Корнилова, казалось, погибла и армия, но Божьей милостью мы воскресли вновь, и армия готова продолжать борьбу...

В станице Дядьковской командование приняло решение для ускорения движения пересадить всю пехоту на подводы. Но тут же встали две проблемы: что делать с ранеными и где взять столько подвод? Смертность в лазарете, в котором ис-

⁵ Здесь авторский вымысел. Лазарева суббота в 1918 году была 15 апреля.

сякли лечебные и перевязочные средства, достигла ужасающих размеров.

На военном совете ответственные командиры, в том числе Алексеев, Романовский и Марков, высказались за оставление тяжелораненых в станице Дядьковской. Другие говорили о гнетущем впечатлении, которое вызовет факт оставления раненых. Деникин принял решение оставить в станице только тяжелораненых.

Врачи составили список раненых, не могущих выдержать перевозки. Таковых оказалось около 200. Станичный сбор постановил принять их на свое попечение. Оставлена была известная сумма денег, врач, сестры и несколько заложников, вывезенных кубанцами из Екатеринодара⁶, среди которых был влиятельный большевик Лиманский, давший слово сберечь раненых⁷. Остался по собственному желанию и «матрос» Баткин, в услугах которого после смерти Корнилова не нуждались.

Фактически осталось 119 человек – остальные были увезены своими однополчанами⁸.

⁶ 36 большевиков были взяты в заложники генералом Покровским при оставлении им Екатеринодара. Большая часть заложников была расстреляна.

⁷ По меркам Гражданской войны, поразительно то, что Лиманский слово сдержал и из раненых красными были убиты только двое.

⁸ Впоследствии выяснилось, что из оставшихся раненых двое были убиты большевиками, шестнадцать умерло и сто один спасся.

5 апреля ускоренным маршем армия двинулись дальше на восток. Предстояло снова дважды переходить через железнодорожную магистраль Владикавказской дороги, где в двух ее узлах (Екатеринодаре, Тихорецкой) сосредоточились крупные силы и бронепоезда красных.

Добровольческой армии, противно всей природе военного дела, приходилось двигаться не вдоль, а поперек железных дорог, находившихся в руках большевиков. Для этого нужно было портить и разрушать железнодорожные пути, чтобы в течение нескольких часов в местах наиболее сносной дороги перебросить войска с обозом, которые тянулись на 8-10 верст. Митинговой медлительности большевиков добровольцы противопоставляли маневр и абсолютное повиновение войск.

В течение пяти дней, пройдя 130 верст почти без потерь, армия вырвалась из густой сети железных дорог и, получив известную свободу действий, наконец, остановилась на две дневки в станице Ильинской.

Здесь в станичной церкви в первый раз отслужили панихиду по «убиенном болярине Лавре и воинах Добровольческой армии, на поле брани живот свой положивших». Долго не отворялись царские врата; наконец после напоминания вышли растерянные священник и диакон, и последний

глухим, дрожащим голосом возгласил прошение об упокоении... «православных воинов, на... брани убиенных». Внутренний шепот коменданта штаба армии исправил текст поминания. Священники опасались совершать службы и панихиды для воинов Добровольческой армии, что имело свои основания.⁹

Сюда же, в станицу Ильинскую, пришли первые хорошие вести. Прибыли посланцы из Лабинского отдела. Они рассказали, что в станицах отдела готовится восстание, к которому могут присоединиться Баталпашинский, Майкопский и Кавказский отделы. Есть оружие, закопанное в землю, наконец, сделаны все приготовления к захвату города Армавира, где имеются в изобилии в большевистских складах оружие и боевые припасы. Посланцы просили Добровольческую армию идти к ним, в Лабинский отдел.

12 апреля штаб армии переместился в соседнюю станицу Успенскую. Здесь армия отдыхала и набиралась сил до 16 апреля.

16 апреля накануне, большого православного праздника – Вербного воскресения, весь штаб и многие добровольцы пришли в большую станичную церковь на всенощную. Все стояли с вербами и свечами. Деникин, Марков, Романовский, Филимонов и Родзянко – впереди, у алтаря. Вдруг сзади слышались радостные возгласы:

⁹ В одной Кубанской области весной 1918 года было зверски замучено 22 священнослужителя за такую вину, как «сочувствие кадетам и буржуям».

– Дон восстал! Приехали посланцы от донского казачества...

Деникин и Романовский вышли из церкви. На паперти стояли пять казаков во главе с есаулом. Тот приложил руку к папахе, рапортуя Деникину:

– Господин генерал-лейтенант, Дон восстал! Задонские станицы ополчились поголовно, свергли советскую власть, восстановили командование и дисциплину и ведут отчаянную борьбу с большевиками. Бьем челом Добровольческой армии, просим забыть старое и поскорее прийти на помощь...

В это же вечер на малом военном совете решили: армию надо вести на Дон. Но чтобы поддержать восстание на Кубани, из состава армии выделить отряд в четыре сотни из кубанцев и черкесов, чтобы составить ядро восставших лабинцев.

Однако во всей складывающейся обстановке для командования Добровольческой армии была одна неясность. По привезенным сведениям, советские войска по всему северо-донскому фронту проявляют странную нервность, и через Ростов якобы один за другим уходят спешно на юг большевистские эшелоны с войсками и имуществом под давлением какой-то неведомой силы.

Этой неведомой силой были немецкие войска, захватившие по условиям Брестского мира всю Украину и двинувшиеся в Крым и к Ростову. Под их напором красногвардейские отряды с Украины стали наводнять Донскую область.

На Дону, как только с Азовского моря повеяло весной, начались повальные казачьи восстания. На нижнем Дону к тому времени закончилось «содружество» двух большевизмов – советского и казачьего. В Ростове заседал ревком во главе с Подтелковым, а в Новочеркаске – казачий совет во главе с Голубовым и Смирновым. Обе власти вначале расправились с казачьей контрреволюцией. После убийства Голубовым атамана Назарова с его штабом по всей Донской области прошли карательные экспедиции для внедрения советской власти. Оно сопровождалось захватом иногородними местного управления, грабежами, реквизициями, арестами, казнями и убийствами. В Ростове и в Новочеркаске повсюду наворачивали революционные трибуналы. Две тысячи сынов Тихого Дона были казнены и убиты за два месяца, из них 500 офицеров.

Затем Голубов и Смирнов взялись за создание своей, казачьей, советской власти. Дело кончилось тем, что из Ростова прибыл карательный отряд и ликвидировал казачий большевизм. Смирнов и Голубов бежали из Новочеркасска, при-

чем последний на одной из станций был опознан и убит. Теперь вся власть на Дону перешла к ревкому во главе с Подтелковым.

В конце марта в Ростов, теснимые немцами и гайдамаками, начали прибывать красногвардейские отряды. По городу начались убийства, грабежи и бесчисленные реквизиции. Ревкому пришлось некоторые особенно бесконтрольные отряды разоружать. Дело не обходилось без столкновений и перестрелок.

Красногвардейские отряды, теснимые немцами, появились и в верховых станицах. Так, 3 апреля под хутором Сетраковым Мигулинского юрта появился Тираспольский отряд так называемой 2-й Социалистической армии.

Хутор Сетраков только что отсеялся. Лишь кое-где досевали просо и подсолнухи. Вечером 3 апреля двое казаков сидели на сваленных дубах около крайнего куреня. Один из них рассказывал о каком-то случае из германской войны. Вдруг до их слуха донесся лязг колес и ржание лошадей.

– Гля-кось, Тимофеич, – сказал один из них, указывая на степь.

Там по шляху багровым шаром катилась пыль, за ней двигались ряды пехоты, обоз, конные.

– Никак войско идет! – изумленно воскликнул Тимофеич,

приложив к бровям ладонь.

– Кто такие? Что за люди? – встревожился другой казак.

Из ворот вышла его жена. Она глянула в степь, растерянно ахнула:

– Чтой-то за люди? Господи Иисусе Христе, сколько их много!

– Это не казаки... Не нашенские люди, – заключил хозяин куреня.

– Конешное дело, не казаки. Кабы не немцы были?! – забеспокоился Тимофеич. – Нет, русские, – заключил он, взглядевшись в колонну. – Гля, красный лоскут у них!.. Ага, вот оно что. Вишь, хорухвь ихняя какая?.. Никак, большевики.

– Точно, они. Откуда они тут взялись?

Тем временем к концу проулка набежали ребятишки и бабы, кучками шли казаки. От колонны отделилось несколько всадников. Они в намет поскакали к хутору. Казаки, переглянувшись, молча стали расходиться, девки и ребятишки брызнули врассыпную. Через пять минут проулок вымер. Конные кучей вскакали в проулок, горяча лошадей, подъехали к дубам, на которых только что сидели казаки.

Хозяин-казак встречал их возле ворот. Передний из всадников, по виду – старший, на вороном коне, в кубанке с огромным красным шелковым бантом по диагонали, в защитной, опоясанной боевыми ремнями гимнастерке, подъехал к воротам:

– Здорово, хозяин! Отчиняй ворота.

Казак, побелев рябинами лица, снял фуражку:

– А вы что за люди?

– Отчиняй ворота! Тебе говорят! – крикнул солдат в кубанке.

Его конь, кося злым глазом, гоняя в запененном рту мундштуки, ударил передней ногой в плетень. Казак открыл калитку, и всадники один за другим въехали на баз.

Солдат в кубанке ловко спрыгнул с коня, скоро зашагал к крыльцу. Пока остальные слезали с лошадей, он, усевшись на крыльце, успел достать портсигар. Закуривая, предложил хозяину. Тот отказался.

– Не куришь? Ты что, старовер?

– Нет, православные мы... А вы кто такие будете? – хмуро допытывался казак.

– Мы то? Красногвардейцы. Вторая Социалистическая армия.

Остальные, спешившись, шли к крыльцу, лошадей вели в поводу, привязывали их к перилам. Один из них пошел на овечий баз. Он по-хозяйски распахнул воротца, нырнул туда, пригибаясь под переруб сарая, и вывел оттуда, держа за рога, большого, с тяжелым курдюком, барана.

– Петриченко, поди помоги! – крикнул он резким фальцетом.

К нему рысью побежал солдатик в куцей австрийской шинели. Хозяин-казак гладил бороду, оглядывался, ровно на чужом базу. Он ничего не говорил, и только когда баран,

с перерезанным шашкой горлом, засучил тонкими ногами, крякнув, взошел на крыльцо.

За хозяином следом пошли в курень солдат в кубанке и еще двое: один – китаец, другой – похожий на русского.

– Ты не обижайся, хозяин! – переступая порог, игриво крикнул кубанец. – Мы широко заплотим!

Он похлопал себя по карману штанов, отрывисто хохотнул и круто оборвал смех, упершись взглядом в хозяйку. Она, стиснув зубы, стояла у печи, глядела на него испуганными глазами.

Красногвардеец в кубанке повернулся к китайцу, тревожно бегая глазами, сказал:

– Ты, ходи, ходи мала, иди вот с дядей – он указал пальцем на хозяина. – Иди с ним, он сена даст коням... Отпусти-ка ты, дядя, сена нашими коням. Чуешь? Мы широко плотим! У Красной гвардии грабежу нету. Иди, хозяин, ну, чего встал? – в голосе кубанца звякнули металлические нотки.

Казак в сопровождении китайца и другого, оглядываясь, пошел из хаты. Едва лишь он спустился с крыльца, как услышал плачущий голос жены. Казак вбежал в сени, рванул дверь. Легонький крючок выскочил из пробоя. Кубанец, схватив выше локтя голую руку дородной хозяйки, тянул ее в полутемную горницу. Казачка сопротивлялась, пихала его в грудь. Он хотел было обхватить ее поперек, приподнять и нести, но в это время дверь распахнулась. Казак широко

шагнул, собой заслони́л жену. Голос его был вязок и тих:

– Ты пришел в мой курень гостем... на что обижаешь бабу? Ты что же?.. Оставь! Я твоего оружия не боюсь! Бери, что тебе надо, грабь, но бабу не моги поганить! Через меня перейдешь рази... А ты, Нюрка, – он, шевеля ноздрями, повернулся к жене, – ступай отсель к дяде Дорофею. Делать тут тебе нечего!

Кубанец, раздосадовано поправляя боевые ремни на рубахе, криво улыбался:

– Сердит ты, хозяин... Я пошутил... Я на всю роту шутник... ты не знаешь?.. А сена ты отпустил? Что, нема сена? А у соседей е?

Он вышел, насвистывая, махая плеткой. Вскоре к хутору подошел весь отряд. В нем насчитывалось около восьмисот штыков и сабель. Красногвардейцы Тиреспольского отряда 2-й Социалистической армии расположились ночевать за хутором. Отряд, потрепанный в боях на Украине гайдамаками и немцами, прорывался на Дон. Командир отряда, по-видимому, не хотел ночевать в хуторе, не надеясь на своих разноплеменных и разнuzданных солдат, разложившихся под влиянием уголовных элементов, обильно наводнивших отряд. Красногвардейцы бесчинствовали по дороге, грабя по пути украинские и русские села.

Грабеж и бесчинства красногвардейцы решили попробовать и на казачьей земле. Самые отъявленные из них, несмотря на угрозы и запрещения командного состава, пошли в хутор Сетраков. Они начали резать овец, на краю хутора изнасиловали двух казачек, открыли беспричинную стрельбу на площади, ранили одного из своих. Ночью заставы перепились (спирт везли на каждой повозке обоза). А в это время трое верховых казаков, высланных из хутора, уже поднимали в окрестных хуторах сполох.

Ночью в потемках седлали казаки коней, снаряжались, наскоро сколачивали отряды из фронтовиков и стариков и под руководством живших на хуторах офицеров, а то и вахмистров, стягивались к Сетракову. Казаки из станицы Мигулинской, с Колодезного, Богомолова и других хуторов Мигулинского юрта, копились в балках и за буграми.

Под утро красногвардейский отряд был окружен. На заре с гиком со всех сторон кинулись на красногвардейцев конные казачьи лавы. Пулемет потрещал – и смолк, вспыхнула – и угасла беспорядочная, шалая стрельба, тихо заплескалась рубка.

Через час завершено было дело: отряд разгромлен дотла, более двухсот человек порублено и постреляно, около пятисот взято в плен. Две четырехорудийные батареи, двадцать

шесть пулеметов, тысяча винтовок, большой запас боевого снаряжения попали в руки казаков.

Пленных погнали в станицу Каргинскую, где уже днем 4 апреля начал наворачивать военно-полевой суд, наспех собранный из местных стариков и офицеров. Всех командиров и комиссаров отряда расстреляли, рядовых взяли под стражу.

А день спустя уж цвели по всему Донскому округу красные флажки скакавших по шляхам и проселкам нарочных. Станицы и хутора гудели. Свергали Советы и наспех выбрали атаманов. Майданы пышно цвели казачьими лампасами, фуражками, лохматыми папахами. Собирались все, кроме баб и ребятишек: старики, казаки фронтового возраста и молодые казаки.

– Красной власти нам не надо, от нее один разврат. Не позволим, чтобы мужики бесчестили наших жен и сестер, глумились над нашей православной верой, грабили наше имущество и достояние, – возмущенно говорили старики. Молодые казаки тоже горячились, готовые в любой момент сесть на коней. Фронтовики больше молчали, каждый ворочая в голове свои думки.

К Мигулинской вначале пристал Каргинский юрт, потом с запозданием пошли сотни из Казанской, Вешенской. Станицы и хутора дали достаточно бойцов, но многие фронтовики все же предпочли остаться дома и не ввязываться во вновь разгоравшуюся на донской земле гражданскую войну.

В середине апреля верховые станицы Донецкого округа откололись от Ростова, где заседал Донской совет во главе с Подтелковым. Был образован свой округ, наименованный Верхне-Донским. Окружным центром избрали станицу Вешенскую, многолюдную, вторую в округе, после Михайловской. Наскоро выкраивались из прежних хуторов новые станицы. В состав Верхне-Донского округа вошли бывшие станицы Донецкого округа: Казанская, Мигулинская, Шумилинская, Вешенская, Еланская, Каргинская, Боковская и Пономаревская волость; бывшие Усть-Медведицкого: Усть-Медведицкая и Краснокутская; и Хоперского округа: Букановская, Слащевская и Федосеевская.

И Верхне-Донской округ, оттягавший себе двенадцать станиц и одну украинскую волость, зажил обособленной от центра жизнью. Окружным атаманом дружно избран был казак Еланской станицы, генерал, окончивший военную академию, Захар Акимович Алферов.

Новая власть начала с того, что очистила свой округ от остатков Тираспольского красногвардейского отряда. Из Каргинской несколько сот пленных красногвардейцев погнали в Вешки. Но до Вешенской их не довели. По дороге казаки загнали пленных в неглубокий яр и всех порубили. Так и лежали они, незахороненные, разлагаясь под лучами весеннего солнца, напоминая о том, что опять завиднелась на донской земле кроввица.

Теперь на Дону противостояли две силы: советская власть и поднимающееся казачество. Вслед за Верхне-Донским угугом зашевелились и низовые казаки.

1 апреля казаки станиц, ближайших к Новочеркасску, под начальством войскового старшины Фетисова внезапным нападением захватили город. Незначительное число коммунистов и красной гвардии было истреблено или бежало. Казаки так называемой голубовской дивизии, оставшиеся без командира, объявили «нейтралитет». Они предусмотрительно накануне ушли из города, захватив награбленное в Новочеркасске добро. Однако по дороге оно было отнято и перераспределено между восставшими станицами.

Но развернуть восстание не удалось. 5 апреля из Ростова подошел большой отряд красногвардейцев, и большевики вновь овладели городом, подвергнув население жестокому грабежу и казням. Подавив в зародыше восстание низовых станиц, Донской совнарком собрал карательную экспедицию во главе с Подтелковым и Кривошлыковым для того, чтобы расправиться с верхне-донской контрреволюцией. 18 апреля отряд в несколько сотен красных казаков вышел из Ростова.

Первая попытка восстания не остановила низовых донцов. Организация вооруженного сопротивления Советам

продолжалась. В середине апреля после скитаний в Сальских степях под Новочеркасском появился полуторатысячный отряд походного атамана – генерала Попова. Начали восставать одна станица за другой. Они объединились в значительные группы донских ополчений. Из них обозначились три самые крупные группы: 1. Задонская группа генерала Семенова (район Кагальницкой и Егорлыцкой станиц); 2. Южная группа полковника Денисова (район станицы Заплавской); 3. Северная группа – бывший «Степной отряд» – войскового старшины Семилетова (район Раздорской). Во всех этих отрядах было свыше 10 тысяч бойцов.

Пробуждение казачества пошло стремительнее, чем было его падение. Этим и решил воспользоваться новый командующий Добровольческой армии – генерал-лейтенант А.И. Деникин, ускорив движение армии к Донской области.

Возвращение армии на Дон. Итоги Первого Кубанского похода

В станице Успенской Деникин принял решение идти на Дон. Генерал Алексеев поддержал его. Он пригласил кубанских правителей, очертил им обстановку и сообщил о планах. Кубанская рада приняла новость с грустью, но без протеста. Командование Добровольческой армии выразило опасение, как бы с уходом с Кубани ряды армии не покинули бы кубанские казаки и черкесы.

Теперь в каждой станице, куда вступали добровольцы, Филимонов и Кубанская краевая рада объявляли мобилизацию. Мобилизованных брали в поход, но винтовок на всех не хватало, и они большей частью поступали в обоз. Половину армии уже составляли кубанцы и черкесы.

Деникин заявил, что Кубань не бросит, что армия в ближайшее время будет сосредоточена в непосредственной близости от Кубанской области и, выполняя общероссийскую задачу, при первой возможности окажет вооруженную помощь при освобождении Кубани. Это возымело воздействие: даже те сотни, которые должны были идти по собственному желанию к Покровскому в Лабинский отдел, услышав о движении армии на север, не пожелали расставаться с нею.

Выступление армии из станицы Успенской назначили на

16 апреля, пополудни, с таким расчетом, чтобы в сумерках скрыть направление движения и до рассвета закончить переход дороги на участке между станциями Ея и Белая Глина. На этих станциях стояли бронированные поезда, а последняя была занята большим отрядом красногвардейцев.

Как и при движении на Екатеринадар, армию зажимали с двух сторон, бои приходилось вести и в арьергарде, и в авангарде. Армия в ночной темноте успешно преодолела железную дорогу. По взорванному и разобранному пути повозки крупной рысью, по две в ряд, гремя по каменному настилу, летели через полотно. Опять люди вдыхали полной грудью, крестились и поздравляли друг друга:

– Ну, слава Богу, кажется, перевалили последнюю железную дорогу!..

На рассвете у станции Белая Глина показался дым бронепоезда; у переезда начали ложиться неприятельские гранаты; позади бронепоезда стала высаживаться из вагонов пехота, она густыми цепями рассыпалась по полю.

Войска спокойно развернулись, открыли огонь батареи. Вскоре наступление красных рассеялось. Арьергард отбил противника, бронепоезд и эшелоны красных из Белой Глины теперь держались в почтительном отдалении от частей Добровольческой армии.

После большого привала в Горькой Балке, во время которого не прекращался бой к востоку от села, армия двинулась дальше и заночевала в кубанской станице Плоской.

В последние сутки армия прошла с боем около 70 верст!

18 апреля армия остановилась на дневку в станице Плоской. Сюда с Дона прибыл казачий разъезд с просьбой помочь восставшим Задонским станицам.

Деникин 19 апреля направил 1-й конный полк полковника Глазенапа на станицу Егорлыцкую, а всю армию перевел в Лежанку, то самое село в Ставрополье, которое некогда первое встретило Добровольческую армию огнем и жестоко за это поплатилось. Теперь там было все мирно. Хотя в окрестностях действовали большие отряды красной гвардии.

Задонье между тем переживало критический момент: большевики после недолгого сопротивления заняли вновь станицы Кагальницкую и Мечетинскую и начали в них творить расправу; вооруженные казаки отступили на юг, к Егорлыцкой. Туда тоже направились красногвардейские отряды, но их упредил отряд Глазенапа.

В Лежанке осталась бригада Маркова и конница Эрдели. 20 апреля 2-я бригада Богаевского пошла по большевистским тылам в направлении на Гуляй-Борисовку. Глазенап, после освобождения Егорлыцкой приняв командование над донскими ополчениями, выступил на север.

Большевики заметили это движение и, сочтя его за отход, начали наступление на Лежанку.

В течение двух дней большевистская артиллерия громила село, а неприятельские цепи распространялись все дальше к западу, в охват расположения белых войск, отрезая пути на

Егорлыцкую. Частными атаками Марков временно отбрасывал их, но они возвращались большими массами. Это несоизмеримое превосходство сил и наличие в селе беззащитного обоза сильно препятствовало маневренной свободе Марковской бригады.

Эти два дня боев за Лежанку, где, в отличие от февральских боев, когда оборонялись большевики, а наступали добровольцы, были днями страстной недели – пятницей и субботой. В станичной церкви шло богослужение, выносили плащаницу, и люди в скорби и трепете молились «поправшему смерть» под гром рвавшихся вокруг церковной ограды снарядов. Из алтаря слышалось слово Божье о прощении, а за селом лилась кровь и брат убивал брата.

Обозу деваться некуда, он ждет своей участи и терпит. Наконец пришло донесение, что Егорлыцкая свободна, и многострадальный обоз двинулся, наконец, кружным путем в Егорлыцкую.

Его уход развязал руки отряду Маркова в Лежанке. К вечеру 22 апреля он перешел в контратаку по всему фронту и блестящим ударом Офицерского полка, двинувшегося вперед молча, без единого выстрела, опрокинул большевиков, обратив их в бегство; их преследовала конница.

Богаевский в эти дни по пути разметал отряды большевиков, разбил их главные силы под Гуляй-Борисовкой и расположился в этом селе. Глазенап занял Мечетинскую, потом и Кагальницкую. Задонье было освобождено.

Боевое счастье вновь явно начинало склоняться на сторону Добровольческой армии...

Поздно ночью А. И. Деникин со штабом из Лежанки выехал в станицу Егорлыцкую к пасхальной заутрене. В 1918 году Пасха, Светлое Христово Воскресение, было самым поздним из всех возможных сроков – 23 апреля, или 6 мая, по новому ленинскому календарю.

Деникин по дороге к заутрене ехал в одной коляске с Романовским. С первых же дней совместной службы в качестве командующего и начальника штаба между ними установились отношения дружбы, основанные на удивительном понимании друг друга и таком единомыслии, которое редко встречается в отношениях между людьми.

Ночь была тихая и звездная. Справа на горизонте догорал подожженный кем-то после боя хутор, бросая кровавый отблеск в небесную высь и в степь. Гулко стучали подковы по не оттаявшей еще земле.

– Вот, – проговорил Романовский, – два месяца тому назад мы проходили это же место, начиная поход. Когда мы были сильнее – тогда или теперь? Я думаю, что теперь. Жизнь толкла нас отчаянно в своей чертовой ступке и не истолкла; закалились лишь терпение и воля; и вот эта сопротивляемость, которая не поддается никаким ударам.

– Что же, Иван Павлович, как говорит внутренний голос – одолеем? – резонерствовал Деникин.

– Как сказать... Мне кажется, что теперь мы выйдем на большую дорогу. Но попадем в жестокую схватку между двумя процессами – распада и сложения здоровых народных сил. Они, по существу, будут бороться, а мы, в зависимости от течения их борьбы, одолеем или пропадем...

В стороне от дороги послышался шорох.

– Стой!

В темноте обрисовались силуэты казачьей заставы. Коляска въезжала на площадь.

Светится ярко храм. Он уже полон народа. Радость Светлого праздника соединилась сегодня с избавлением от «нашествия», с воскресением надежд. Радостно гудят колокола, радостно шумит вся церковь в ответ на всеблагую весть:

– Христос воскрес!

Слышится единоголосное:

– Воистину воскрес!

В мареве дыма кадильного и дрожащего света паникадил сияют лица молящихся. Хор поет:

– ... И нас сподоби чистым сердцем Тебе славити...

Обедня закончилась. Из церкви повалила толпа загорелых юнкеров и офицеров. Не спеша вышли знаменитые генералы с привычно строгими глазами, в чистых гимнастерках, с орденами и крестами: высокий, картинно стройный красавец, с раздвоенной бородкой и фуражкой набекрень – Эрдели;

вихрастый, в грязной папахе – колючий Марков; низенький – Кутепов, курносый, коренастый, с медвежьими глазками; казак Богаевский с закрученными усами. Затем вышли, разговаривая, Деникин и холодный, «загадочный», как называли его в армии, с красивым умным лицом Романовский. При виде главнокомандующего все подтянулись, курившие под березами бросили папиросы.

Деникин был теперь уже не тот несчастный, в сбитых сапогах и в штатском, больной бронхитом «старичок», увязавшийся без багажа в обозе за армией в начале февраля. Он выпрямился, был даже щегольски одет, серебряная борода его внушала каждому сыновнее почтение, глаза округлились, налились строгой влагой, как у орла. Разумеется, ему далеко было до Корнилова, но все же из всех генералов он был самый опытный и рассудительный. Прикладывая два пальца к фуражке, он важно прошел в церковные ворота и сел в коляску вместе с Романовским.

– Ну, что, Иван Павлович, с Божией помощью к Светлому празднику – Задонье наше, теперь на Ростов и Новочеркасск, – радостно проговорил Деникин.

Но другой силе суждено было опередить Добровольческую армию. Ни Деникин, ни Романовский еще не знали, что в это самое время отряд полковника Михаила Гордеевича Дроздовского, шедшего с боями из Румынии, вел бой за Ростов.

После Пасхи части Добровольческой армии и обоз с ранеными расположились в станицах освобожденного Задонья: 2-я бригада Богаевского – в Гуляй-Борисовке, 1-й конный полк Глазенапа – в Кагальницкой. Основные силы (1-я бригада Маркова, конная бригада Эрдели), штаб и обоз заняли станицу Егорлыкскую.

В штаб армии стали стекаться неожиданные и радостные новости. Во-первых, пошли слухи, что какой-то отряд в Пасхальную ночь вошел в Ростов и почти занял город. Но утром 23 апреля большевики подтянули новые силы из Новочеркаска и выбили этот отряд из Ростова. Как впоследствии выяснилось, это был Офицерский отряд полковника Дроздовского, два месяца шедший из Румынии на соединение с Добровольческой армией¹⁰. Во-вторых, 23 апреля Южная группа донского ополчения полковника Денисова взяла Новочеркасск.

Деникин послал в Новочеркасск представителя от Добровольческой армии генерала Кислякова.

От него скоро поступило донесение: «Полевой армии в истинном смысле этого слова на Дону еще нет; казаки по прежнему в боях не всегда устойчивы; то, что там происходит, –

¹⁰ Потеряв в бою за Ростов полковника Войналовича и до 100 бойцов, отряд Дроздовского сосредоточился в селе Крым.

пока еще только местные восстания, не вполне прочно взятые в руки».

Как будто в подтверждение его слов, 25 апреля большевики с севера повели наступление на Новочеркасск и ко второму часу дня уже овладели предместьем города, переживавшего часы сильнейшей паники. Казаки не устояли и начали отступать. Порыв казался исчерпанным, и дело проигранным. Уже жителям несчастного Новочеркаска мерещились новые ужасы кровавой расправы...

Но в наиболее тяжелый момент свершилось чудо: неожиданно в семи верстах к западу от Новочеркаска, у Каменного Брода, опять, как под Ростовом, появился Офицерский отряд полковника Дроздовского силою до 1000 бойцов.

Авангардная батарея дроздовцев открыла огонь во фланг наступавшему противнику, броневик врезался в самую гущу неприятельских резервов, внося смятение в ряды большевиков, рассеявшихся по всему полю. Казаки, ободренные успехом, перешли в контратаку и на расстоянии 15 верст преследовали бегущего врага.

К вечеру дроздовцы входили стройными рядами в Новочеркасск под восторженное приветствие местных жителей. Вместе с весенними цветами, которыми забрасывали дроздовцев, на них повеяло лаской и любовью многотысячной толпы народа, запрудившей все улицы освобожденного города.

А.И. Деникин писал: «Это была новая героическая сказка

на темном фоне русской смуты: два месяца из Румынии, от Ясс до Новочеркасска, более тысячи верст отряд этот шел с боями на соединение с Добровольческой армией».

В тот же день Дроздовский отправил донесение командующему Добровольческой армией: «Отряд... прибыл в Ваше распоряжение... отряд утомлен непрерывным походом – но в случае необходимости готов к бою сейчас. Ожидаю приказаний...».

В этот же день, 25 апреля, напуганные жители Ростова с изумлением, а многие с горьким разочарованием увидели марширующие по улицам колонны людей в железных касках. Это вступала в Ростов головная дивизия 1-го германского корпуса.

Освобождение Новочеркасска дало возможность командующему Добровольческой армией отправить туда раненых, хотя тем еще пришлось испытать много невзгод в обедневших и разоренных донских лазаретах, но все это было, безусловно, гораздо лучше в сравнении с тем, что они вынесли в походе.

После того как Дон восстал, у добровольцев, наряду с радостью, наступило некоторое расслабление. Многих потянуло в Ростов и Новочеркасск, где остались родные и близкие; многим просто смертельно хотелось отдохнуть и отрешить-

ся на время от тягот многодневного и многотрудного Кубанского похода.

Между тем новая политическая обстановка, допускавшая самые неожиданные возможности, с необыкновенной остротой ставила вопрос о полной необеспеченности армии снабжением, в особенности боевыми припасами. В то же время разведка упорно доносила сведения об огромном и хаотичном движении большевистских эшелонов по линии Ростов – Тихорецкая – Царицын, закупорившем все узловые станции. Шло массовое перемещение военных материалов, которые могли ускользнуть окончательно из рук добровольцев.

И А. И. Деникин решил внести последний штрих в Кубанский поход, организовав набег на красные эшелоны, чтобы пополнить истощенные запасы. Смысл разработанной им операция заключалась в том, чтобы быстрым маршем захватить узловую станцию Сосыка на Кубани, в тылу той группы большевиков, которая стояла против немцев у Батайска; одновременно для обеспечения и расширения района захвата занять соседние станции Крыловскую и Ново-Леушковскую.

25 апреля Богаевский со 2-й бригадой выступил из Гуляй-Борисовки и взял с бою станицу Екатериновскую; главная колонна (бригады Маркова и Эрдели), совершив 65-верстовый марш, заночевала в Незамаевской, занятой без сопротивления.

На рассвете 26 апреля Богаевский, Марков и Эрдели атаковали тремя колоннами станции Крыловскую, Сосыку и

Ново-Леушковскую, и после горячего боя с бронепоездами большевиков все три станции были заняты. В руки добровольцев попало много поездов с военными материалами.

После этого Деникин увел армию обратно на Дон. Увозили с собой большую добычу: ружья, пулеметы, боевые припасы и обмундирование; уводили также еще несколько сот мобилизованных кубанских казаков.

30 апреля армия стала, наконец, на отдых в двух пунктах: станицах Мечетинской (штаб армии и бригада Богаевского) и Егорлыцкой (бригада Маркова и конная бригада Эрдели), прикрываясь заслонами от большевиков и от немцев. Кроме того, 1-й конный полк Глазенапа оставался в станице Кагальницкой.

В станицу Мечетинскую вскоре пришло еще одно радостное известие. Отряд Подтелкова, отправившийся из Ростова на север Донской области якобы для подавления Верхне-Донского восстания,¹¹ был окружен в хуторе Калашникове Поляково-Наголинской волости Донецкого округа восставшими казаками и сдался. По приговору военно-полевого суда 28 апреля 1918 года Подтелков, Кривошлыков и еще 83 красных казаков, кто не успел разбежаться по дороге, были казнены в хуторе Пономареве. Подтелков и Кривошлыков были повешены, остальные – расстреляны.

¹¹ На самом деле Подтелков и его ревком, понимая невозможность удержать советскую власть в низовых округах, решил создать из более лояльных казаков верхних округов, особенно Хоперского и Усть-Медведицкого, своеобразную Северо-Донскую советскую область.

Почти по всем станицам Донской области в эти критические для советской власти дни военно-полевые суды «лечили» казаков и иногородних от болезни, называемой «большевизм»: рьяных – расстреливали, заблудившихся – пороли.

30 апреля считается последним днем Первого Кубанского похода Добровольческой армии, длившегося 80 дней, с 9 февраля по 30 апреля 1918 года.

За время похода армия прошла 1050 верст, из 80 дней в боях была 44 дня. Вышла, имея в строю 4 тыс. чел. и 200 чел. ранеными, вернулась, имея в строю 5 тыс. чел.¹² и 1,5 тыс. ранеными.

Армия начала поход с 600-700 снарядами, имея по 150-200 патронов на человека; вернулась почти с тем же: все снабжение для ведения войны добывалось ценою крови.

Непосредственная цель – взятие Екатеринодара – не была достигнута. Армия вернулась на круги своя. В память о походе установлен знак: меч в терновом венце.

В кубанских степях армия оставила могилы генерала Корнилова, полковника Неженцева, полковника Краснянского, есаула Власова, капитана Курочкина и еще сотен офицеров, юнкеров, казаков и солдат. Большинство из них погибло в

¹² Армия пополнилась казаками Кубанской рады и мобилизованными в станицах и черкесах.

бою, но многие умерли от ран в лазаретах, были убиты врагами как пленные (в основном, оставленные раненые)¹³. В общей сложности безвозвратные потери Добровольческой армии во время Первого Кубанского похода превысили тысячу человек только от первоначального состава.

Компенсацией всех потерь и невзгод «первопроходцев» стало восстание на Дону и приход из Румынии новых бойцов, родственных ей по духу.

А. И. Деникин писал в своих мемуарах: «Два с половиной года длилась еще их борьба.

И тех немногих, кто уцелел в ней, судьба разметала по свету: одни – в рядах полков, нашедших приют в славянских землях, другие – за колючей проволокой лагерей – тюрем, воздвигнутых недавними союзниками, третьи, голодные и бесприютные, – в грязных ночлежках городов старого и нового света.

И все на чужбине, все «без Родины»...

Когда над бедной нашей страной почиет мир, и всеисцеляющее время обратит кровавую быль в далекое прошлое, вспомнит русский народ тех, кто первыми поднялись на за-

¹³ А.И. Деникин приводит потери в 400 чел. убитых. Но это, скорее, потери в боях. К этому числу надо прибавить сотни умерших от ран и убитых большевиками, захваченных в плен, а также без вести пропавших и покинувших армию во время и после похода казаков и офицеров. В частности, из армии вышли братья Гуль. Один из них – Роман Гуль, автор мемуаров «Ледяной поход (с Корниловым)».

щиту России от красной напасти»¹⁴.

По неполным данным, на Кубани против добровольцев и кубанцев сражалось от 50 до 60 тыс. красных войск, одна треть из них была убита, одну треть составляли раненые, пленные и дезертировавшие.

¹⁴ А.И. Деникин «Очерки Русской Смуты». Том второй «Борьба генерал Корнилова».

Путь генерала Деникина.

Закладка фундамента

Когда умирал старый отставной майор Иван Ефимович Деникин, стояла Страстная неделя Великого поста. «Господи, пошли мне умереть вместе с Тобою», – запомнил молитву своего отца его тринадцатилетний сын Антон, и молитва была услышана: старый воин скончался «вместе со Христом» в Страстную Пятницу, за день до Светлого Воскресения.

Антон Иванович Деникин родился 4 (16) декабря 1872 года в деревне Шпеталь-Дольный, что находилась в завислинском пригороде уездного городка Влоцлавска Варшавской губернии Российской империи, в семье отставного майора пограничной стражи.

Его отец, Иван Ефимович Деникин (1807-1885), происходил из крепостных крестьян Саратовской губернии. Помещик отдал молодого отца Деникина в рекруты. После 22 летней солдатской службы он смог выслужиться в офицеры, затем, сделав военную карьеру, вышел в отставку в 1869 году в чине майора. В итоге он прослужил в армии 35 лет, участвовал в Венгерской (1848 г.), Крымской (1853-1856 г.) и Польской (1863 г.) кампаниях.

Мать Деникина, Елизавета Фёдоровна (Эльжбета Фран-

цисковна) Вжесиньская (1843-1916), по национальности была полькой, из семьи обедневших мелких землевладельцев (дробной шляхты).

Таким образом, Антон Иванович, как и Лавр Георгиевич Корнилов, был более «пролетарского происхождения», чем их будущие противники – Ленин, Троцкий, Свердлов и многие другие.

В трехнедельном возрасте Антон был крещен отцом в православии. В четыре года одаренный мальчик научился бегло читать; с детства свободно говорил на русском и польском языках. Семья Деникиных жила бедно и существовала на пенсию отца в размере 36 рублей в месяц. Деникин воспитывался отцом «в русскости и православии». Он был глубоко верующим человеком, всегда был на церковных службах и брал с собой сына. С детства Антон стал прислуживать у алтаря, петь на клиросе, бить в колокол, а позже – читать шестопсалмие и Апостол. Иногда он вместе с матерью, исповедовавшей католицизм, ходил в костёл. Антон Деникин в местной скромной полковой церкви воспринимал православное богослужение как «своё, родное, близкое», а католическое – как интересное зрелище.

В 1882 году, в возрасте 9 лет, Деникин сдал вступительный экзамен в первый класс Влоцлавского реального училища. После смерти отца в 1885 году жить семье Деникиных стало ещё тяжелее, так как пенсия уменьшилась до 20 рублей в месяц, и в 13 лет Антон начал подрабатывать репети-

торством, подготавливая второклассников, за что имел 12 рублей в месяц. Особые успехи ученик Деникин демонстрировал в изучении математики. В 15 лет ему, как прилежному ученику, назначили собственное ученическое содержание в 20 рублей и предоставили право проживания на ученической квартире из восьми учеников, где он был назначен старшим. Позже Деникин жил вне дома и учился в реальном училище соседнего уездного городка Лович.

Свое становление как офицера и русского патриота Антон Иванович описал в автобиографических мемуарах «Путь русского офицера»¹⁵.

Разумеется, в выборе военной карьеры главную роль играл пример его отца – еще николаевского солдата, участника Венгерской, Крымской и Польской кампаний, царского служаки в полном смысле этого слова. Антон, судя по его воспоминаниям, рано приобрел серьезность характера, самостоятельность и, быть может проистекающее отсюда, обостренное чувство собственного достоинства, ответственности за свои поступки, готовность мужественно отстаивать свою правоту.

Присяга на верность Государю – это одно, но что значит военная служба без веры? По воспоминаниям Антона Ивановича, почти инстинктивный «выбор веры» помог мальчику в девять лет прекратить посещения костела после того,

¹⁵ Это последний литературный труд его жизни, который оборвался на полуслове и был опубликован посмертно в 1953 году.

как стало известно, что ксендз потребовал от его матери тайно воспитывать сына «в католичестве и в польскости». В четырнадцать – вопреки явной подсказке учителя, что под «Божьим хотеньем» следует понимать «удачу», Антон настаивал: «Не "удача", как судят иные, а именно "Божье хотенье"».

В семнадцать лет, несмотря на свойственные этому возрасту сомнения, Антон не подпал под влияние «Ренана и другой «безбожной» литературы». В конце концов «в одну ночь» он пришел «к окончательному и бесповоротному решению», о котором более полувека спустя генерал рассказывал так:

– Человек – существо трех измерений – не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и православие.

– Словно гора свалилась с плеч!

– С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего».

Антон Иванович с детства мечтал идти по стопам отца и поступить на военную службу. В марте 1890 года, по окончании Ловичского реального училища, Деникин был зачислен вольноопределяющимся в 1-й стрелковый полк. Три месяца он прожил в казарме в Плоцке и в июне того же го-

да принят в Киевское пехотное юнкерское училище на военно-училищный курс.

«Суровую простоту и скромность», привычные с детства, нашёл Деникин и в Киевском юнкерском училище (там он учился с 1890 по 1892 год), где, помимо подготовки к будущим офицерским обязанностям, юнкера проходили, по его воспоминаниям, и «всю солдатскую службу».

После окончания двухлетнего курса 4 августа 1892 года Антон Иванович был произведён в подпоручики и назначен во 2-ю артиллерийскую бригаду, расквартированную в уездном городе Бела Седлецкой губернии, расположенном в 159 верстах от Варшавы.

Типичная однообразная жизнь в захолустье Виленского военного округа Российской империи была скрашена одними из ярких эпизодов в жизни молодого офицера. Однажды 20-летний Деникин был приглашён поохотиться на кабанов. В ходе этой охоты ему довелось убить разъярённого кабана, который загнал на дерево некоего налогового инспектора Василия Чижа, также принимавшего участие в охоте и считавшегося опытным местным охотником. После этого случая Деникин был приглашён на крестины дочери Василия Чижа Ксении, которая родилась несколько недель тому назад. С этого момента он стал другом этой семьи. Через три года он подарил Ксении на Рождество куклу, у которой открывались и закрывались глаза. Девочка надолго запомнила этот подарок. Судьба уготовила им встречу в 1918 году, ко-

гда Деникин уже возглавил Добровольческую армию. И эта встреча сыграла очень важную роль в его жизни...

Продвижение по военной службе в то время требовало дополнительного военного образования. А для этого нужно было пройти курсы в Академии Генерального штаба. Летом 1895 года, после нескольких лет подготовки, Деникин отправился в Санкт-Петербург, где сдал конкурсный экзамен и был зачислен на первый курс Академии Генерального штаба.

Для поступления, а затем для учебы в этой «кузнице военных кадров» требовались глубокие знания не только по военным, но и по многим общеобразовательным дисциплинам, а также колоссальная работоспособность, сила воли и крепкие нервы.

Сила воли и духа поручика Деникина подверглась на этом пути серьезным испытаниям. Поступив в Академию, он при переходе на второй курс (обучение было трехлетним) провалился на экзамене. За не сдачу экзамена по истории военного искусства Антон Иванович был отчислен из Академии. Однако через три месяца он ещё раз выдержал вступительный экзамен и снова был зачислен на первый курс Академии.

Проучившись еще три года в столице Российской империи, весной 1899 года Деникин сдал выпускные экзамены и по завершении курса был произведён в капитаны. Однако накануне его выпуска новый начальник Академии Генштаба генерал Николай Сухотин (друг военного министра Алексея Куропаткина) произвольно изменил списки выпускников, при-

численных к Генеральному штабу, в результате чего провинциальный офицер Деникин не попал в их число. Деникин воспользовался предоставленным уставом правом: подал на генерала Сухотина жалобу «на Высочайшее имя» (Государю Императору). Несмотря на то, что собранная военным министром академическая конференция признала действия генерала незаконными, дело попытались замять, а Деникину предложили забрать жалобу и написать вместо неё прошение о милости, которую пообещали удовлетворить и причислить офицера к Генеральному штабу. На это Антон Иванович ответил: «Я милости не прошу. Добиваюсь только того, что мне принадлежит по праву». В итоге жалобу отклонили, а Деникина не причислили к Генеральному штабу «за характер».

В 1900 году Деникин возвратился в Белу, где снова служил во 2-й артиллерийской бригаде. Спустя два года после завершения Академии Генштаба Деникин пишет письмо военному министру Куропаткину с просьбой разобраться в его давней ситуации. Куропаткин прочитал письмо и во время ближайшей аудиенции у Николая II «выразил сожаление, что поступил несправедливо, и испросил повеления» на зачисление Деникина офицером Генерального штаба, что и состоялось летом 1902 года.

После этого перед Деникиным открывалось совсем другая военная карьера. В первых числах января 1903 года он покинул Белу и был зачислен в штаб 2-й пехотной дивизии,

располагавшейся в Брест-Литовске, где ему на один год было поручено командование ротой 183-го Пултусского полка, располагавшейся в Варшаве. Рота Деникина время от времени назначалась охранять «Десятый павильон» Варшавской крепости, где содержались особо опасные политические преступники, в том числе будущий глава польского государства Юзеф Пилсудский. В октябре 1903 года, по окончании цензового срока командования, Деникин был переведён в адъютанты командующего 2-м кавалерийским корпусом, располагавшимся здесь же, в Брест-Литовске, где прослужил до 1904 года.

Годы учебы в Санкт-Петербурге, его общение с интересными людьми северной столицы сформировали политические интересы будущего Главнокомандующего вооружёнными силами Юга России.

Попавший впервые в столицу молодой офицер не смог или не захотел замкнуться в кругу учебных проблем, испытывая живой интерес к тому, что составляло политическую жизнь города. Широкий круг знакомств, первое соприкосновение с нелегальной революционной литературой, а также присущее Деникину стремление приглядеться ко всему самому сформировали в Антоне Ивановиче некое политическое мировоззрение, которое можно кратко назвать «рос-

сийским либерализмом», о котором генерал напишет спустя десятки лет:

«Я принял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие приводило меня к трем положениям: 1) Конституционная монархия, 2) Радикальные реформы и 3) Мирные пути обновления страны.

Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 года, не принимая активного участия в политике и отдавая все свои силы и труд армии».

Столичная жизнь пробудила в Антоне Ивановиче склонность к писательскому труду. Еще в детские годы он отправлял в редакцию журнала «Нива» свои стихотворения и очень огорчался, что их не печатали и что из редакции ему не отвечали, в результате чего Деникин сделал вывод, что «поэзия – дело несерьёзное». Позже он начал писать в прозе. В 1898 году его рассказ «Старый генерал» был впервые опубликован в журнале «Разведчик», а затем Деникина напечатали в «Варшавском дневнике». Издавался он под псевдонимом Иван Ночин и писал в основном на тему армейского быта.